

Мин Янь нервничал, на лбу выступил пот, он то и дело поглядывал в сторону Дворца Фэнъи, его лицо выражало глубокую тревогу.

Мин Юань держал в руке белую фишку, его лицо было бесстрастным, без тени радости или печали. Когда Мин Янь снова ошибся в ходу, поставив черную фишку не туда, Мин Юань наконец вздохнул и не выдержал:

— Янь, ты ведь знаешь, как высоко ценит тебя отец! Е Цзинжун из рода Е, хоть и мужчина, но он идеально тебе подходит. Если выбирать из двоих, он намного превосходит вторую дочь семьи Сюэ. Отец не хотел ставить тебя в трудное положение, но твоя мать таит обиду. Кроме того, если однажды самый важный для тебя человек окажется в опасности, то в твоём нынешнем состоянии, когда ты не можешь успокоиться, результат будет только один.

С этими словами Мин Юань решительно поставил последнюю фишку, полностью перекрыв все пути отступления Мин Яня.

Мин Янь резко опустил взгляд на доску. Он снова проиграл, полностью разгромлен, его черные фишки почти все съедены, и даже путь к отступлению был перекрыт. Неужели это результат, который отец хотел ему показать?

В его глазах, темных, как обсидиан, мелькнул скрытый блеск. Мин Янь глубоко вздохнул, затем медленно закрыл глаза. Когда он снова открыл их, в его взгляде не осталось и следа прежнего беспокойства, только ясность.

— Отец, давайте сыграем еще раз!

В этой партии он обязательно выиграет. Цзинжун ждет его, и он обещал, что больше не позволит ему страдать. Обещание должно быть выполнено.

Увидев это, на лице Мин Юаня впервые появилась довольная улыбка. Янь всегда был таким, с отличной интуицией, с детства почти никогда не доставлял ему хлопот.

Новая партия началась. На этот раз Мин Янь не торопился, обдумывал каждый ход, и в итоге выиграл с перевесом всего в одну фишку. Хотя победа и была сомнительной, он все же выиграл!

— Сын благодарит отца за содействие.

Мин Янь не смог скрыть радости на лице, поклонился Мин Юаню и уже собирался уйти, но на пороге был снова остановлен голосом отца.

— Янь, отец задаст тебе последний вопрос. Как ты выберешь между всем этим и тем человеком?

Мин Юань медленно провел пальцем по доске, обводя всю игровую ситуацию. Он выражался очень завуалированно, но Мин Янь понял.

Отец спрашивал, что он выберет: великолепные просторы Царства Минъю или Е Цзинжуна.

— Отец, это неблагодарность с моей стороны. Цзинжун слишком много для меня сделал, и я знаю далеко не обо всем. Поэтому, как бы то ни было, я не могу его предать.

Сказав это, Мин Янь решительно развернулся и направился к Дворцу Фэнъи.

Только когда шаги Мин Яня окончательно затихли, Мин Юань вздохнул, позвал слуг убрать доску и, опершись на руку, устало закрыл глаза.

Если бы в свое время у него была такая же решимость, как у Яня, возможно, он не позволил бы Юньянь отдалиться от него в душе? Хотя они оба никогда не говорили об этом вслух, как он мог не заметить?

Ладно, ладно, он устал. Пусть Янь сам выбирает свой путь. Только бы он не повторил его ошибок!

А тем временем Е Цзинжун, следуя за Лю Юньянь, вошел в изысканно украшенный и уникальный по стилю Дворец Фэнъи.

Она степенно уселась на мягкое ложе, оставив его коленапреклоненным в центре холодного зала.

Лю Юньянь молчала, и Е Цзинжун не мог проявить инициативу, поэтому с момента приветствия он стоял на коленях уже целый час.

В душе поднималась горечь. Е Цзинжун понимал, что мать намеренно его испытывает, и даже если колени болели, он держался прямо, не двигаясь.

Сначала Лю Юньянь просто игнорировала его, не вступая в разговор, но в конце концов неторопливо заговорила, и первое же ее предупреждение вынудило Е Цзинжуна невольно вызвать ее недовольство.

— Я не бесчувственная. Ты, будучи мужчиной, можешь стать женой Яня, но, выйдя замуж, ты должен соблюдать приличия. Ты ведь понимаешь, что Янь не может иметь только тебя. В будущем он будет брать наложниц, чтобы продолжить род. Ты, как мужчина, должен быть великодушным. Я считаю, что внучка министра Ян неплох, как насчет того, чтобы ты познакомил ее с Янем?

Услышав это, Е Цзинжун сжал руки в рукавах и стиснул зубы.

Он мог бы притвориться, что соглашается, и отделаться формальными словами, но не хотел этого делать.

Делить Мин Яня с кем-то другим — даже подумать об этом было для него мучительно.

— Матушка, прошу прощения, но Цзинжун... не может подчиниться!

Смирненно опустил голову, но слова, которые он произнес, заставили Лю Юньянь сузить глаза и разозлиться.

— Что ты сказал? Я даю тебе еще один шанс, ответь мне снова!

Резко сжала в руке фарфоровую чашку, и несколько капель горячего чая выплеснулись, обжигая ее белую руку.

Ее лицо стало холодным, Лю Юньянь смотрела на стоящего на коленях в зале Е Цзинжуна с гневом и недовольством, настолько разозлившись, что потеряла самообладание.

С тех пор как она стала императрицей, никто не смел так противоречить ей в лицо! Тем более что этот муж-жена, выбранный Янем, не вызывал у нее особого восторга!

Услышав это, Е Цзинжун почувствовал еще больше горечи. Опустив глаза и сжав рукава, он долго молчал.

Мать принца, по логике, должна была быть той, кого он должен был всеми силами стараться угодить, чтобы не ставить принца в неловкое положение между ними.

Но... но первая же фраза матери застала его врасплох. Раньше он, возможно, не стал бы так сопротивляться, но теперь он стал жадным!

Тот Е Цзинжун, который был готов отдавать, не ожидая ничего взамен, был похоронен им самим, когда принц дал военную клятву. Теперь Е Цзинжун хотел навсегда привязать к себе сердце Мин Яня. Он изменился, стал мелочным и ревнивым, как женщина!

— Цзинжун... не может. Прошу матушку отменить приказ!

Сложил руки перед собой, склонил гордую голову, прижал лоб к тыльной стороне ладоней и почтительно поклонился Лю Юньянь.

Его черные волосы рассыпались по бокам, словно цветы, распустившиеся на вершине заснеженной горы, хрупкие и не способные выдержать ветер и дождь, но упрямо отказывающиеся сдаваться.

— Как ты смеешь! Такое простое дело ты не можешь выполнить, как я могу надеяться, что ты будешь помогать Яню в будущем?

Прошло так много лет, что Лю Юньянь уже и не помнила, когда в последний раз так гневалась. Сначала она резко отчитала Е Цзинжуна, но затем, словно что-то вспомнив, ее глаза вдруг сузились.

Сжав в руке шелковый платок, Лю Юньянь голосом, дрожащим от недоверия, спросила:

— Неужели ты... будучи мужчиной, намерен завладеть Янем полностью?

Услышав это, Е Цзинжун остался в своей позе, не подтверждая, но и не отрицая.

Увидев это, Лю Юньянь все поняла. В одно мгновение Е Цзинжун полностью вызвал ее гнев.

— Хорошо, а Янь знает о твоих амбициях?

Даже не заботясь о достоинстве, Лю Юньянь с гневом указала на Е Цзинжуна и предупредила:

— Янь — мой единственный ребенок, и я не позволю тебе его погубить! Я верю, что ты умный человек, и ты должен понимать, какое будущее ждет Яня. Если ты действительно любишь Яня, ты должен научиться отпускать!

Отпустить? Два простых слова, как легко они звучат!

Семь лет тайной любви, три года мучительного ожидания, целое десятилетие усилий — как можно просто отпустить? Если бы это было так легко, зачем тогда Е Цзинжун так долго мучил себя?